

няли собою некоторые части главного массива и суживали горизонт. Растянувшись длинной вереницей по ковыльной щебневой степи предгорья, наш караван особенно выделялся на золотистом фоне пышной густой травянистой растительности. Эти прекрасные пастбища привлекали к себе не только монголов с их табунами лошадей, рогатого скота и баранов, но также и диких обитателей степей, быстрых, грациозных цаган-цзере (*Gazella gutturosa*) и хара-сульт (*Gazella subgutturosa*), которых мы во множестве наблюдали на нашем пути. Живя в постоянном соседстве с домашним скотом мирных кочевников, эти прелестные животные мало боятся людей, а потому держатся не очень строго и нередко позволяют любоваться собою, подпуская в меру хорошего выстрела. Таким образом, без особого труда, нами был добыт отличный экземпляр молодого самца *Gazella gutturosa*...

Пользуясь близостью стойбища должностного лица монгольской власти, тусалакчи-цзасака, я на время оставил караван и заехал к нему, с тем, чтобы заручиться местным проводником. Не смотря на то, что сам тусалакчи находился в отсутствии — в Пекине, — я был очень любезно принят его супругой, которая обещала всякое содействие, и действительно в тот же вечер прислала нам проводника.

Дальнейший путь пересекал при Гурбун-сайханскую степь, напомнившую мне, между прочим, по своему общему характеру, степи Куку-нора; пройдя ее, экспедиция расположилась на ночлег в урочище Цаган-иргэ-буцэ, с расчетом на следующий день перевалить хребет, и спуститься в ставку монгольского князя Балдын-цзасака, где мы намеревались устроить довольно продолжительную остановку.

Упорно преследовавший нас, в течение значительного периода времени, резкий юго-западный ветер дул и на этот раз, но, по обыкновению, к вечеру стих. Омрачавшая воздух тонкая пыль была отброшена в долину, на прозрачном небе заиграла дивная заря... Зори Центральной Монголии вообще отличаются необыкновенной тихой прелестью. Чистый воздух способствует тому, что нежные переливы тонов выступают как то особенно рельефно, и создают неподражаемую по своему художеству картину. Долго, бывало, стоишь недвижимо, и молча смотришь в сторону тускнеющего заката; краски ежеминутно меняются,